

Юлий МУРАШКОВСКИЙ
Ингрида МУРАШКОВСКАЯ

Я ЗАЖЕГ В СВОЕМ СЕРДЦЕ ОГОНЬ...

«Я думаю, что главное предназначение человека на земле – творить добро, жить для людей».

В. Ерошенко

Мы привыкли к тому, что Достойная Цель приносит пользу всем или многим людям. А бороться за ее осуществление приходится против сравнительно небольшой группы людей, осуществляющих «политику» в этой области. Жизнь и деятельность Василия Яковлевича Ерошенко расширяют наше понимание Достойной Цели и творческих задач. В его случае дело обстоит как раз наоборот: Ерошенко боролся за поднятие качества жизни сравнительно небольшой группы людей. И боролся против всех.

Представьте себе, что вы встретились со слепым человеком, закончившим какой-нибудь «сложный» институт. Какое чувство у вас возникает? Конечно, восхищение. Вспомните повесть В. Г. Короленко «Слепой музыкант». Герой – не музыкальный гений, он просто очень хороший музыкант. Но мы восхищены и поражены. А ведь обычным выпускником вуза или музыкантом мы не восхищаемся. Волей-неволей мы предъявляем слепым пониженные требования, делаем им скидку на слепоту. То есть неявно, но отказываем им в полноценности. Даже если мы и осознаем, что этого делать не следует. К сожалению, и слепые сами очень часто соглашались со своей неполноценностью.

Итак, у Василия Ерошенко была Цель (хотя он ее и не формулировал так четко): доказать, что слепой человек абсолютно ни в чем не уступает зрячему. Заставить понять это слепых и, что еще важ-

нее, зрячих и бороться фактически против всех нас, против той «жалости», которую у нас почти не отнимешь. Способ, который он для этого выбрал, был самым надежным: правильная педагогика, подкрепленная личным примером. Ибо сам Василий Яковлевич с четырехлетнего возраста был слеп.

Для достижения Цели Ерошенко поставил перед собой ряд последовательных подцелей. Поскольку задача перед ним стояла всемирная, – так он ее понимал, – то следовало познакомиться с педагогикой для слепых во всех странах. Для этого надо путешествовать. А следовательно, знать языки. Для пропаганды результатов надо уметь писать. Значит, нужно образование. И так далее. Впрочем, все это было потом. А своей первой цели – победы над слепотой – Ерошенко начал добиваться с четырех лет.

Точно неизвестно, были ли у Ерошенко долгосрочные программы.

Но примерные планы по каждому направлению были.

В семилетнем возрасте он составляет для себя план обучения музыке. Сперва – приходящий учитель игры на скрипке. Затем он сам учится играть на фортепиано. Потом – учеба в Москве в школе для слепых. Когда Ерошенко узнает о существовании в Англии Академии музыки для слепых, он вносит в план и это – и добивается поездки.

План получения общего образования: та же школа в Москве, специальный колледж в Англии (одновременно с учебой в Академии музыки), список стран, в которых он планирует посещать университеты. Об уровне, с которого ему нужно было подниматься, можно судить по письму его отца. Адрес был такой: «Китай, Пекин. Пекинский университет. Прохвесору Испиранта Василию Ерошенко». С этого уровня Ерошенко поднялся до высшего образования в целом ряде знаний. А профессором эсперанто он действительно был не только в Пекинском, но и в Токийском университете. Если план посещения университетов нарушался, то упущенное пополнялось при любом удобном случае. Так, будучи в гостях у немецких эсперантистов, он посещал вольнослушателем Геттингенский университет, таким же образом слушал лекции в Сорбонне.

Планы поездок. Ерошенко объездил полмира – и это в сложнейшей международной обстановке начала XX века. Планам поездок сопутствуют планы изучения иностранных языков. Перед первой заграничной поездкой Ерошенко никак не может найти учителя английского. Тогда он находит обходной путь – изучает язык эсперанто. Предупрежденные о его приезде английские эсперантисты помогают ему устроиться и обучают английскому.

Один из самых сложных и детально разработанных планов – это план реформы образования слепых в Бирме. Это был личный

план – больше рассчитывать было не на кого (да и не рассчитывал Ерошенко ни на кого другого всю жизнь). Аналогичный план был составлен для организации школы слепых в Туркмении.

Характерно, что практически все планы Ерошенко (кроме тех, которым помешала смерть) были выполнены. Не в исходном виде – обстановка диктовала коррекции, подчас принципиальные, – но выполнены.

Работоспособность у Ерошенко была потрясающей. В этом смысле он буквально подчинял себе других людей.

Характерен в этом смысле его распорядок дня в Лондоне в период, предшествующий началу учебы. В десять утра (в момент открытия) Ерошенко уже в Британском музее, в отделе литературы, напечатанной шрифтом Брайля (шрифт для слепых). В два часа – обед, прогулка по ближайшим букинистическим магазинам и снова работа в библиотеке музея до закрытия. Вечером дома – музыка (гитара и балалайка) и литература (первые попытки писать). Отклонение от этого распорядка допускается только по воскресеньям: Ерошенко посещает «Коммунистический клуб» – клуб русских политэмигрантов.

Для работы используется любовью «клочок» времени. Вернувшись на несколько дней в родную деревню, Ерошенко не тратит время на беседы с односельчанами (единственный образованный в селе, да еще и за границей побывал!), а принимается за изучение японского языка – уже была запланирована поездка в Японию.

Те, кто изучал иностранные языки, могут себе представить, какой работоспособностью надо обладать, чтобы за две недели изучить тайский язык настолько, чтобы записывать с голоса тайский фольклор. Изучить по учебнику, написанному по-английски. То же самое было и перед работой в Туркмении. Первые уроки в туркменской школе Ерошенко вел уже по-туркменски.

В школе для слепых в Бирме, где он одновременно был и директором, и учителем-универсалом, он успевал еще и записывать бирманский фольклор. Но особенно его работоспособность проявилась в литературе. Первые рассказы на японском языке он написал за несколько ночей (днем – лекции в Токийском университете). Так же ночами были написаны и рассказы на китайском языке (дни были заняты лекциями в Пекинском университете).

Пять лет, проведенных в Москве (в тридцатые годы XX века), были заполнены до последней секунды. За это время Ерошенко перевел на японский язык ряд

произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. К тому же последний год был посвящен подготовке к организации школы слепых в Туркмении.

Уже будучи тяжело больным (рак), Ерошенко продолжал писать, приводить в порядок свои работы по педагогике. Последний рассказ был написан за три дня до смерти. Работа не прекращалась даже во время приступов.

Невозможно в полной мере осознать проблемы, возникающие перед слепым человеком. Для нас это могут быть вообще не задачи, а для слепого – задачи высокого творческого уровня. Вот, например, в годы учебы в Москве Ерошенко задумал познакомиться с классической русской литературой. Казалось бы, что в этом сложного? Но обычные книги читать он не мог, а книг

из русской классики, напечатанных шрифтом Брайля, просто не было. Да и режим в школе не позволял отвлекаться. К тому же по вечерам приходилось подрабатывать в оркестре одного из московских ресторанов. Ерошенко находит выход. Вместе с товарищем они нанимают безработного старого актера, и тот по утрам в течение двух часов читает им вслух. Представьте себе тяжелую атмосферу дореволюционной «благодетельной» школы для слепых детей бедняков, и вы поймете, что такой ход был сильным и необычным.

Василий Ерошенко и Фукуока Сэйити

Или такая ситуация: как достать деньги в чужой стране? И зрячий легко бы впал в отчаяние. Ерошенко использует ресурсы – ту сенсацию, которую вызывает само его появление. В Японии, в Бирме он читает лекции о России, играет на балалайке русские и украинские песни – и находит деньги на первое время. А затем началась работа.

Было и то, что мы привыкли называть творческими задачами. Как в Китае в условиях жесточайшей цензуры написать о целях и задачах революционного движения в России? Ерошенко снова использует ресурсы – китайские традиционные аллегории. В его рассказах, написанных в Китае (на китайском и эсперанто), появляются типичные для китайской литературы образы: остров Счастья, море Вечной любви и т. п. На первый взгляд это типовые литподделки. Но расстановка этих аллегорий необычна. Она о многом

говорила образованному китайцу. Революция есть – и революции нет, она растворена в аллегориях.

А как передать пейзаж, внешний вид описываемых объектов? Ведь Ерошенко не собирался ограничиваться слепыми читателями. Он писал для всех. А зрячим обязательно нужен цвет. Сам Ерошенко признавался, что с детства запомнил только цвет неба. И он применяет прием «вред в пользу». В одном из рассказов, например, он сразу предупреждает читателя, что автор слеп, а затем использует только те цвета, которые связаны литературными штампами с определенными понятиями: «... все цветы там грязно-серого цвета, словно покрытые пеплом или свинцом». Или использует вместо цвета... запахи.

А вот пример удивительно красивого решения педагогической задачи. В поисках учеников для туркменской школы (это он тоже делал сам) Ерошенко наткнулся на слепого сироту по имени Дурды. Удивительно, как вообще выжил этот малыш. Все, что он знал в свои шесть лет, – это голод и непрерывные избиения за попрошайничество. Он был свято убежден, что все люди – звери, и что сам он в этом мире никому не нужен. Ерошенко привез его в школу, накормил, напоил. Педагогические нормы советуют в таких случаях несколько лет постепенно завоевывать доверие. Но Ерошенко не мог ждать и дня. Он повел Дурды в горы (кстати, Ерошенко был неплохим альпинистом-любителем). Вдвоем они зашли на одну из вершин, и Ерошенко попросил малыша крикнуть свое имя. «Я – Дурды!» – крикнул тот. И эхо несколько раз повторило его имя. «Вот видишь, – сказал Василий Яковлевич, – даже здесь, в горах, тебя все знают и любят...»

Дурды Питкулаев много лет после смерти Ерошенко был директором той самой школы в Туркмении.

В путешествиях также пришлось решать задачи. Что делать во время пурги в чукотской тундре, если собаки оторвались от нарт

и убежали? (На Чукотке Ерошенко пытался организовать школу для слепых и ездил по тундре один, собирая учеников.) За распространение сведений о русской революции в Индии английские колониальные власти выслали его под арестом на корабле. Как убежать с военного корабля? В этом случае Ерошенко снова обращает вред в пользу: ведь у слепого прищурены глаза! С помощью друзей Ерошенко красит лицо желтым гримом, цепляет косичку, одевается в одежду китайского кули (грузчика) и, взвалив на спину мешок, в ближайшем порту спокойно сходит с корабля.

Может показаться, что все это – просто авантюры. Но ведь это – путь к Цели! Чтобы быть на одном уровне со зрячими, слепой должен их превзойти.

Чего-чего, а ударов Ерошенко получал предостаточно.

Первый удар был от религии. Он ослеп, когда зимой во время болезни бабушка втайне от неверующих родителей понесла его крестить. Религия не оставляла его в покое и потом. Токийская православная церковь препятствовала ему читать лекции в Японии (под названием «Русские народные песни» шел рассказ о революционном движении в России). В Туркмении и на Чукотке религиозные родители не пускали детей в его школу.

С самого начала шли типовые удары внешних обстоятельств. Образование – палочная педагогика в московской школе: Ерошенко и его товарищей наказали розгами за то, что они не «почувствовали», что с ними говорит князь. На это он отвечает самообразованием. Отсутствие денег: приехав в Японию, Ерошенко получил письмо из дома, в котором отец сообщал о невозможности выслать деньги. Ответ – лекции о России, затем самостоятельные педагогические заработки.

В Сиаме (сейчас Таиланд) Ерошенко представил правительству план образования слепых детей. Все усилия он брал на себя и предлагал работать бесплатно, но наткнулся

на стену равнодушия. Из-за демократичных методов работы (он, например, запрещал бить детей) его выгнали из школы в Бирме. В Индии английские власти отказали ему в визе на выезд. Вторая поездка в Японию закончилась тем, что Ерошенко как члена Социалистической лиги Японии и делегата ее второго съезда разъяренная толпа жестоко избивала. Его отволокли по лестнице и по земле в полицию, а там, решив, что он притворяется слепым, принялись разрывать веки. Из камеры-одиночки его перевели на корабль, не дав даже собрать вещи, и выгнали из Японии. Его рукописи при этом остались в полиции и не найдены до сих пор.

Очень тяжелым ударом для Ерошенко была невозможность вернуться на родину. Он предпринимал попытки вернуться в Россию из Сиам, из Индии, из Китая. Из Японии ему удалось, наконец, вырваться во Владивосток. Но город был во власти белой армии, и после нескольких месяцев скитаний Ерошенко был вынужден пешком уйти в Китай.

Множество трудностей выпадало Ерошенко при наборе детей в школы.

Как уже говорилось, он собирал их сам. Именно поэтому он поехал в далекое чукотское стойбище: там жил слепой мальчик. Собаки, испугавшись сильнее бурана, оторвались от нартов и убежали, а в буран погибли от холода даже опытные люди. Что делать в таких условиях, когда реальной становится возможность погибнуть, и это в самый разгар работы? Ерошенко опять использовал ресурсы. Он сел на нарты, выпрямившись и развернувшись лицом к ветру. Через несколько минут его покрыла толстая снежная «шуба», оставалось только проделать палкой дырку для дыхания. А когда буран стих, вернулись собаки...

Условия жизни Ерошенко даже в самые лучшие периоды его жизни были отнюдь не райскими. В его московской комнате можно было достать руками одновременно до обеих стен. И в эту комнатку он хитрил еще наставить стелла-

жи с книгами (брайлевские книги занимают большой объем – их печатают на картоне). Но неудобств Ерошенко просто не замечал. Зато приходилось замечать другое.

Когда его выгнали из школы в Туркмении (которую он сам же организовал по просьбе правительства Туркмении), он уехал, оставив огромную коллекцию ценных брайлевских книг, журналов и своих рукописей по педагогике. Вернувшись через некоторое время, он обнаружил, что все просто уничтожено.

В 1924 году в Японии был напечатан второй сборник рассказов Ерошенко, и весь тираж уже ждал отправки в торговлю. Но началось страшное землетрясение, и все книги погибли. Ни одного экземпляра так и не было найдено.

Постепенно подрывалось здоровье. В Сиаме он жил в ужасных условиях: в период дождей надежно укрыться было негде – и от постоянных простуд он оглох на одно ухо. Уже на родине он снова почувствовал себя плохо и обратился к одному из московских врачей. Тот, решив, что перед ним малограмотный крестьянин, громко сказал ассистенту диагноз по-латыни: канцер (рак).

И еще одно. В Японии Ерошенко полюбил журналистку. Однако она не захотела связывать свою жизнь со слепым. С тех пор Ерошенко всю жизнь избегал близких знакомств с женщинами.

Удары продолжались и после смерти. За три дня до конца Ерошенко закончил последний рассказ. «Теперь я спокоен, – сказал он племяннице, – тут плоды моих раздумий. А теперь можно и умереть – отдохнуть от долгих трудов...» Этот рассказ он попросил отправить знакомым в Москву, чтобы те опубликовали его. Но баннер затерялся на почте...

Свой архив Ерошенко завещал Всесоюзному обществу слепых. Там были его произведения, разра-

ботки по педагогике для слепых, ценные брайлевские книги. Архив весил около трех тонн. Чиновник, принимавший архив, решил, что Ерошенко – просто какой-то чудак. И сжег все рукописи и книги.

И все же, несмотря на потери, результаты деятельности Ерошенко огромны. Три сборника новелл и рассказов на японском языке. Сейчас писатель Эро-сан (под этим именем Ерошенко знают в Японии) – классик японской литературы, его сказки входят в обязательный курс младших классов японской школы. В Китае известен писатель и драматург Айросяньке. Записи сиамского и бирманского фольклора сделаны впервые в мире. Сохранились газеты с его статьями на английском, немецком и эсперанто. Слепые дети Туркмении до сих пор обучаются по его азбуке – он разработал брайлевский шрифт для туркменского языка (для чукотского – не закончил).

К сожалению, не удалось восстановить уникальную методику обучения иностранным языкам, которую разработал Ерошенко, – беспризорные слепые дети, которых он учил в Подмосковье сразу после войны, через год могли свободно говорить на английском и японском языках.

Не смогли восстановить и методику обучения слепых независимости движений. Сам Ерошенко ходил без палки даже в незнакомых городах. То, что он слеп, можно было различить только вблизи.

Но главный след остался в сердцах слепых. До сих пор сотни его учеников в десятках стран мира считают Ерошенко не только учителем, но и человеком, который вернул их к жизни. Его имя и биография известны слепым во всем мире. «В учениках я нашел свое продолжение, – говорил Ерошенко, – и это дает мне ощущение счастья».

«Человек чувствует себя полноценным только тогда, когда он трудится», – в этих словах Ерошенко, сказанных одному из учеников, – вся его жизнь.